

2. *Виноградов В. В.* Основные вопросы синтаксиса предложения // Вопросы грамматического строя. М., 1955. С. 396.
3. *Бабайцева В. В.* Структурно-семантическое направление в современном русском языке // Филологические науки. 2006. №2. С. 55.
4. *Шахматов А. А.* Синтаксис русского языка. М., 2001. С. 50.
5. *Лекант П. А.* Синтаксис простого предложения в современном русском языке. М., 1974. С. 19–20.
6. *Попова Л. В.* Связка в односоставных личных предложениях // РЯШ. 2009. №4. С. 84–89.
7. *Бабайцева В. В.* Система односоставных предложений... С. 17.
8. *Лекант П. А.* Синтаксис простого предложения... С. 22–23.
9. *Русский язык. Энциклопедия* // гл. ред. Ф. П. Филин. М., 1979. С. 167.
10. *Лекант П. А.* Синтаксис простого предложения... С. 26–27.
11. *Ломов А. М.* Словарь-справочник по синтаксису современного русского языка. М., 2007. С. 169.
12. Там же. С. 207.

Y. A. RIZHENKO. SEMANTIC AND GRAMMATICAL ORGANIZATION OF VERBAL PERSONAL SENTENCES

The article deals with the syntactic character of definite-personal, indefinite-personal and personal-generalized mononuclear sentences; their structure, semantics, operation are under the research.

Key words: structural and semantic direction, one-member sentences, real and grammatical meaning, grammatical form.

Л. Н. РЯГУЗОВА, С. В. СУПРУН

ФОРМИРОВАНИЕ ПРИНЦИПОВ КОНТЕКСТНОГО АНАЛИЗА В ТРУДАХ КРИТИКОВ РУССКОГО ЗАРУБЕЖЬЯ 1920–1940-Х ГОДОВ

В статье рассматривается проблема теоретико-литературного обоснования принципов межтекстового анализа в трудах критиков русского зарубежья (А. Бема, П. М. Бицилли и др.), их категориального выражения в индивидуально-авторском творческом опыте и современной научной рефлексии.

Ключевые слова: межтекстовые связи, заимствование, влияние-притяжение, влияние-отталкивание, контекст, интертекст, аллюзия, реминисценция.

Несмотря на то, что русское зарубежье представляет сегодня самостоятельную отрасль или «индустрию» филологической мысли, ощущается недостаток в исследованиях теоретико-литературных проблем в историко-функциональном и генетическом аспектах. В области методологии это направление исследований, позволяющих проследить научное формирование принципов контекстного (межтекстового) и имманентно-текстового (стилистического) анализа в трудах В. В. Вейдле, П. М. Бицилли, А. Л. Бема, В. Ф. Ходасевича, символической выразительности их индивидуальной семиотики.

Сравнительно-историческое освоение наследия классической русской литературы, ее «генетической памяти» и «резонансного» пространства (В. Н. Топоров) обострило интерес к изучению межтекстовых связей, получивших в то время различные метафорические обозначения – припоминания, родственные, однородные тенденции, телепатия, резонанс, совпадения: «литературные припоминания» (А. Бем), «совпадения», «родимые пятна», «параллели» (П. Бицилли), «конвергенция» (Ю. Тынянов), «культурно-историческая телепатия» (М. Бахтин) и др. Реминисцентный код играет роль ключа в понимании текста, становится способом художественного освоения

реальности, приемом «культурологического подсвечивания образов» (И. П. Смирнов), а также всего произведения в форме явной цитации, аллюзии, прямой и полемической реминисценции по типу следования / отталкивания, сюжетной и структурной парафразы. Подобный подход к явлению с двух сторон – выявление пласта понятий, собственных времени 1920 – 1940-х гг., и взгляд на эстетическую сферу зарубежья из дня сегодняшнего, – закономерен, это устойчивый методологический принцип, который позволяет объединить проблемы, связанные с теорией и философией творческого процесса и его описанием, анализом литературных явлений и их генезисом.

В литературоведении 1920 – 1940-х годов отразились напряженные поиски новых методологических подходов к «внешней» и «внутренней» интерпретации литературного произведения.

В их основу легли два основных принципа: 1) имманентный, имеющий дело с текстом произведения и предполагающий эстетический, стилистический, детальный, системный анализ; 2) контекстуальный, находящийся вне самого произведения и имеющий в виду возможность его воздействия на социум и на духовный мир читателя. Сформулированы они А. П. Скафтымовым. Прежде всего это мысль о «внутренней, имманентной

интерпретации художественного произведения»: «состав произведения сам в себе носит нормы его истолкования» [1]. Изменчивость интерпретаций свидетельствует о различной степени постижения смысла произведения. «Внешняя» интерпретация, «литературные сопоставления» содержат дополнительные, сторонние размышления. Важное положение А. П. Скафтымова об опосредованном воспроизведении поэтического мира – «картина художника не есть картина жизни, а только мысли данного художника об этой жизни» – переносит акцент с предмета, объекта на отраженную специфику восприятия произведения.

Феномен «литературного припоминания», «художественных ассоциаций» и «переоткрытия» знакомой классики текстов в эстетике А. Бема занимает существенное место [2]. А. Бем рассматривает сферу соотношения «своего» и «чужого» как фактор литературного развития, вычлняя его виды – влияние-притяжение, влияние-отталкивание («Свое и чужое», 1934). Критик считает «преemptивность» законом творческой эволюции, а не отталкиванием от традиций. Он скептически относится к традициям эстетической критики, философские и психологические методы у него носят прикладной характер (как и у П. Бицилли историко-философские), не выходя за рамки литературоведческого анализа [3].

Интерпретатор А. Бем использует анахронный, регрессивный метод - (путь «от конца к началу»), например, от Достоевского к Пушкину («Пиковая дама» в творчестве Достоевского», 1929) и «Скупой рыцарь» в творчестве Достоевского», 1929), или обнаруживает ростки позднего Достоевского в его ранних повестях, что позволяет критику из центра, вершины охватить все пространство творчества автора. Анахронная фиксация воздействия / восприятия выявляет особый вид сотворчества – творческую полемику. Чужое творчество – отправная точка собственных построений (когда не форма, а замысел произведения является источником), создание своего начинается в понимании и сопереживании «чужого» в его глубинных потенциях. В статьях А. Бема скрыт потенциал толкования связи («дуалистической онтологии») – «притяжения и отталкивания» – поэтики Достоевского и Набокова (вычитывание в ретроспекции сновидческого элемента и контаминации реальностей, приемов реализации внутреннего мира вовне). Терминологический универсум А. Бема включает понятия окказиональные или заимствованные из инонаучных сфер: «эстетическая антропология», «месторазвитие», «структура» (у Н. Трубецкого), «сон» – исходная модель для обновления поэтики прозы (в духе психоанализа З. Фрейда), «средство» (химический термин), «припоминание» (платоновский термин), «телеологический» (в отношении способа мышления Достоевского), «органический» (применительно к законам создания и интерпретации текстов).

Формула «метод мелких наблюдений» (сличений) А. Бема обостряет интерес к влиянию контекста и одновременно к функции художественной детали, расширяет диапазон возможных толкований, не противоречащих анализируемому тексту, коррелирует с аналогичными аналитическими приемами – «микроскопического», анатомического анализа П. Бицилли, «микроскопии текста» Г. Адамовича [4].

Говоря о проблемах «духовной генеалогии» творчества русских писателей в критической рефлексии П.М. Бицилли, можно провести аналогии теоретико-методологических установок ученого с современной ему критикой. Имя Бицилли называют среди тех, кто предвосхитил теорию интертекстуальности, и можно добавить, использовал историко-генетический, топологический, онтологический, мотивный аспекты анализа художественных текстов, теоретизировал понятия «поэтический мир» и «стилистический анализ» на примере творчества Гоголя, Чехова, Толстого. [5]. Изучение единства речевого мировоззрения П.М. Бицилли представляет интерес внутри собственной научной системы и выходит из обозначенных границ, расширяя значение его теоретико-методологических воззрений. Это относится к таким ключевым терминам понятийного аппарата ученого, как культура (цивилизация), стиль, параллели, картина мира, средневековье, символизм (символ), гротеск, аллегория, метафора, общее, индивидуальное / типическое, обратная перспектива и др.

В критике Бицилли, в частности, концептуализируется понятие «параллели» и его эквиваленты влияние / заимствование / подражание («Параллели», 1932). «Внешнее» влияние, явное цитирование (подражание манере без учета метода) отделяется им от творческого воздействия (ассимиляции приемов), ведущего к обнаружению более глубокого совпадения, затрагивающего «внутреннюю» форму (тон, голос, видение мира, стиль, манеру письма). П.М. Бицилли вводит различные категории для обозначения вариативности литературного заимствования: «аллюзия», «плагиат», «область ходячих клише», «совпадения», «родимые пятна», «общие места», «параллели», «подражания», «творческое усвоение», «объективное сходство», «творческая индивидуальность». Концепция «усвоения» и «параллелей» была для исследователя не самоцелью, а ступенью, которая позволяла глубже выявить индивидуальное начало творчества автора, проникнуть в «собственную идею» произведения и его «самодовлеющий замкнутый мир». «Индивидуализировать писателя нельзя иначе, - утверждал критик, - как путем литературных сопоставлений» П. Бицилли выявляет, например, несколько мотивов на уровне комплекса (*loci communes*) в трех «поэмах» «Степь», «Мертвые души», «Тарас Бульба». Содержательный комплекс, «общие места» – сложный семантический

конгломерат образов, или «сродные» темы (отъезд из дому, окончание пути, разлука на веки, общая тема контраста между людской пошлостью и величию природы с ее тайнами) [6]. Введение топоса – надындивидуального, общекультурного механизма – в семантическую структуру образа расширяет его смысловое поле и универсальное содержание. «Сопоставляемые художники взаимно освещают друг друга» – существенное методологическое наблюдение ученого. Чем глубже влияние одной творческой индивидуальности на другую, тем оно и более скрыто. Например, П. Бицилли отмечает общий тон, интуицию, «бредовое состояние сознания» персонажей Салтыкова и Сирина («Возрождение аллегории», 1936). Сходные наблюдения делает А. Бем о драматизации бреда и сновидческой реальности в романах Достоевского. Точкой сопоставления (но это уже отдельная область наблюдений) может служить развитие темы двойничества у А. Бема и П. Бицилли. Генетическая связь (ретроспективное прочтение) темы двойничества позволяет Бицилли по-новому интерпретировать «художественные беззакония» и саму творческую манеру Сирина-художника, определить жанр романа «Приглашение на казнь» как ухронию. Культурологические и историко-литературные «параллели» отражаются через призму медиевистических представлений ученого, в известном смысле опережая критическое сознание времени. В частности, развитие его характеристик «странного» набоковского мира позволяет глубже постичь мифопоэтику писателя и функцию «элементов Средневековья» в современной литературной генеалогии и искусстве [7]. Опыты историко-генетического прочтения (в обратной перспективе или проекции) Гоголя через Салтыкова-Щедрина и Набокова обогащают восприятие духовной генеалогии русской классики и расширяют приемы («обратный эксперимент») научной интерпретации художественного произведения. Формируются понятия «творческий комплекс» и «поэтический мир». Идет развитие теоретического концепта «иной», «другой», «призрачной» реальности (у Бема – ареальности, бредовой, сновидческой) параллельно с внедрением его в художественную практику. Прочтение современной литературы через призму понятий «другой» (двойник), «иномирие» позволяет по-иному оценить функции подобных феноменов и приемов их эстетической реализации в русской классике (Гоголь, Салтыков-Щедрин).

Таким образом, при прочтении критических работ П. Бицилли и А. Бема видно, как концептуализировалось научное понимание межтекстовых, историко-литературных связей, – от «параллелей» («творческого комплекса») у Бицилли, «литературных припоминаний» у А. Бема, – до формулирования структурного взгляда на заимствования как поэтический прием (В. Ходасевич, В. Вейдле, К. Тарановский), выделение теоретических понятий контекста и подтекста. С одной стороны, как видим, в критике зарубежья расширялись границы филологического анализа текста, с другой, углублялась его спецификация. Этот факт свидетельствует о плодотворности эстетических поисков зарубежного литературоведения и преемственности идей в филологическом развитии.

Литература

1. Скафтымов А. П. К вопросу о соотношении теоретического и исторического рассмотрения в истории литературы // Скафтымов А.П. Поэтика художественного произведения. М., 2007. С. 21–40.
2. Бем А. Л. Исследования. Письма о литературе. М.: Языки славянской культуры, 2001.
3. Викторovich В.А. Из истории достоевскоговедения. А. Бем // А.Л. Бем и гуманитарные проекты русского зарубежья. Междунар. науч. конф., посвященная 120 – летию со дня рождения А.Л. Бема. М., 2008. С. 54–75.
4. Егорова Е. В. Поэтика ранней прозы Ф. М. Достоевского в художественной рецепции В.В. Набокова (на примере повестей «Двойник», «Хозяйка», «Белые ночи»): автореф. канд. дис. ...филол. наук. 2012.
5. Супрун С.В. Проблемы интерпретации и методология анализа литературного произведения в критике русского зарубежья 1920 – 1940-х годов: Автореф. канд. дис. ...филол. наук. Краснодар, 2012.
6. Бицилли П. М. Трагедия русской культуры: Исследования. Статьи. Рецензии. М., 2000. С. 221, 268–269, 395, 397, 412.
7. Рягузова Л. Н. Элемент «средневековья» в художественном мышлении В. Набокова. Набоковский сборник. СПб., 2011. № 1. С. 57–64; Рягузова Л. Н. «Культурный синтез» Средневековья в художественном сознании XX века (в творческой интерпретации П.М. Бицилли) // Русское литературоведение XX века: имена, школы, концепции. М., СПб., 2012. С. 296–303.

L. N. RYAGUZOVA, S. V. SUPRUN. FORMING PRINCIPLES OF CONTEXTUAL ANALYSIS IN LABOR OF RUSSIAN FOREIGN CRITICS 1920-1940-IES

Problem of theoretical and literatural study of the principles of literary intertextual analysis in the writings of Russian abroad critics (A. Boehm, P.M. Bitsilli, etc.), their categorial expression in individual copyright creative experience and modern scientific reflection.

Key words: *intertextual bond, borrowing, influence-attraction, influence-repulsion, context, intertext, allusion, reminiscence.*